

УДК 7.04

Поэзия Генриха Гейне в переводах Николая Гумилева в издательстве «Всемирная литература»

В.А. Пронин

Московский государственный университет печати имени Ивана Федорова
e-mail: jahnek@africamail.com

В статье анализируются малоизвестные переводы поэм Генриха Гейне, выполненные Николаем Гумилевым по заказу издательства «Всемирная литература».

Ключевые слова: романтизм, поэма, перевод, хорей, антиутопия.

Среди многочисленных русских переводчиков поэзии Генриха Гейне особое место принадлежит Н.С. Гумилеву, которого привлек к работе А.А. Блок. Автор «Двенадцати» готовил в 1918 г. издание нового более полного собрания сочинений Генриха Гейне, которое должно было появиться в издательстве «Всемирная литература». Собрание сочинений не вышло, переводы Н.С. Гумилева напечатаны не были, за исключением перевода поэмы «Атта Троль», который опубликовали в сборнике Г. Гейне в издательстве «Academia» в 1931 г. Два других перевода Николая Гумилева из Гейне: поэмы «Бимини» и «Вицли-Пуцли» впервые появились в Интернете 14 февраля 2008 г. Тогда же они были напечатаны в собрании переводов Н. Гумилева (том 1) издательством «Терра — книжный клуб».

Однако за годы, прошедшие после первой публикации, переводы Н.С. Гумилева трех весьма значимых произведений Гейне не обрели известности, в изданиях немецкого поэта по-прежнему публикуются изрядно устаревшие переводы.

Судьба «Бимини» — одного из поздних произведений Генриха Гейне — складывалась неудачно. Дата написания неизвестна, но, несомненно, оно создавалось после публикации цикла «Романсеро» в 1851 г. По своей проблематике и по заведомо своевольному обращению с сюжетом оно как бы продолжает «Романсеро», однако текст не был опубликован при жизни поэта. «Бимини» напечатал американский издатель Адольф Штродтманн в 1869 г. в сборнике «Последние стихотворения и мысли». Стихотворение было написано смертельно больным поэтом, оттого мечтания героя о чудесном острове, возвращающем путникам молодость и здоровье, для него были несомненно актуальны, хоть и не осуществимы.

В дореволюционном переводе призывы совершить паломничество на Бимини звучат не слишком убедительно:

Кто со мной на Бимини?
Эй messieurs, mesdames, садитесь,

При попутном ветре скоро
Будем мы на Бимини!

Господа! Вы не больны
Ревматизмом? Вы синьоры
Не открыли ли морщинок
У себя на лбу?

Поскорей на Бимини!
Там найдете исцеленье
От постыднейших недугов:
Гидропатии там курс!
(пер. П. Вейнберга)

Текст звучит слишком зазывно, зато авторская ирония едва ощутима. Николай Гумилев возвращает подлиннику шутливость:

Кто со мной на Бимини
Едет, господа и дамы?
Ветр попутный, вас доставит
Мой корабль на Бимини.

Вы страдаете подагрой,
Господа? Быть может, дамы
На своем челе лилейном
Уж морщинку отыскали?

Так за мной, на Бимини!
Там найдете исцеление...
(цитаты из Гейне в пер. Н. Гумилева)

Ритм как нельзя точно соответствует начальным строфам стихотворения: пока мореплаватели не добрались до Бимини, все им внушает оптимизм.

А.А. Гутнин справедливо заметил: «Достигая удивительного совершенства в овладении художественной формой, Гейне обретает в этой поэме осознанную свободу духа» [1]. Эта оценка вполне применима и к работе переводчика.

Николаю Гумилеву бойкий хорей был тоже не чужд. Размышляя об искусстве перевода, Н.С. Гумилев особо подчеркивал значение ритма: «Хорей, поднимающий, окрыленный, всегда взволнован и то растроган, то смешлив, его область — пение» [2]. Гейневские тексты, переведенные Гумилевым, написаны хореем. Немецкая поэзия равно как и лирика Гейне не были предпочтительнее для Гумилева французских и английских авторов. Однако когда вышел сборник «Жемчуга», критики Л.Н. Войтловский и В.Л. Рогачевский не преминули заметить, что молодой поэт подражал Гейне [3]. Речь не могла идти о влиянии, «русский» Гейне вошел в культуру Серебряного века, одним из создателей которой стал Николай Гумилев. Сотрудничая с издательством «Всемирная литература», он устраивал занятия, на которых молодые литераторы упражнялись в коллективных переводах поэзии Гейне. Труд над переводом маленьких

поэм Гейне был для него отдохновением от злобы последних дней его короткой жизни.

Слава Блоку, который отобрал для Н.С. Гумилева стихи Г. Гейне, как нельзя больше соответствовавшие его вкусам. Первый сборник Гумилева назывался «Путь конкистадоров». «Бимини» посвящено старому конкистадору по имени Хуан Понсе де Леон. Об острове Бимини существовала легенда, что на нем находится источник вечной молодости. Увы, знаменитому мореплавателю колдовские чары не помогли избежать старости. Смертельно больного Гейне привлекло старинное предание как несбывшаяся надежда. Поэт с горечью замечает, что вера в чудо исчезла в современном мире:

Вера в чудеса! В цветок
Голубой, увядший ныне,
Но блиставший в каждом сердце
В воспеваемое мною

Время веры в чудо. Чудом
Кажется оно само.
Столько в нем чудес, что люди
Больше им не удивлялись.

Стихотворение Гейне звучит реквиемом романтизму. Вера в чудеса бытия для автора «Бимини» оказалась утопией. Для Гумилева странствия были необходимым подтверждением жизненной позиции поэта: вначале божественное слово, затем — поступок, будь то путешествие, любовь, дуэль, соучастие в политическом заговоре.

Ключом к пониманию единства личности и творчества Н.С. Гумилева может служить тезис Н.А. Богомолова, заново открывавшего его место в поэзии Серебряного века: «Гумилев входил в литературу, когда в ней господствовало убеждение, что поэзия и жизнь являются неразрывными, что образ поэта творится по законам искусства, а потом переносится в жизнь и уже она начинает строиться на тех же основаниях, что и основания поэзии» [4].

Вместе с тем Г. Гейне и Н. Гумилев — романтики-антагонисты. Немецкий поэт называл себя романтиком-расстригой, защищаясь от критиков иронией. Гумилев не осознавал роковую опасность романтизма — не литературного, а обыденного, повседневного и политического в том числе. Для автора книг «Путь конкистадоров», «Колчан», «Жемчуга» слова «поэт» и «герой» — синонимы.

В биографическом очерке о Николае Гумилеве справедливо подчеркивается: «Почти все кто станет потом, спустя годы писать о Гумилеве-поэте, Гумилеве-путешественнике, Гумилеве-воине, будет отмечать такие черты его характера как твердость, надменность» [5]. Романтизм был для Н.С. Гумилева жизненной позицией.

В ранних сборниках присутствие конкистадора постоянно и обязательно. Нетрудно догадаться, что мореплаватель, путешественник, завоеватель и создатель новой цивилизации — это лирический герой, воплощающий идеальное романтическое состояние духа и плоти, которое изначально свойственно любому сочинителю стихов. Как полагает автор, оно будет обязательно реализовано. Пути Конкистадоров — это его пути, колчан со стрелами — его оружие. Чужое небо манит, ибо дарует радости земной любви. Биография Николая Гу-

милева запечатлена в названиях его сочинений, которые есть ни что иное как предвидение будущего.

В начало сборника «Путь конкистадоров» поэт поместил сонет:

Я конкистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду,
Я прохожу по пропастям и безднам
И отдыхаю в радостном саду.

Как смутно в небе диком и беззвездном!
Растет туман... но я молчу и жду
И верю, я любовь свою найду...
Я конкистадор в панцире железном.

И если нет полдневных слов звездам,
Тогда я сам мечту свою создам
И песней битв любовно зачарую.

Я пропастям и бурям вечный брат,
Но я вплету в воинственный наряд
Звезду долин, лилею голубую.

Сонет вызывающе самовосхваляет лирического героя-конкистадора. Нельзя не заметить в тексте довольно тривиальные поэтизмы, вроде «я пропастям и бурям вечный брат» и прочие «лилеи голубые» — во вкусе Серебряного века. Но когда сонет читается в контексте последующих событий в биографии поэта, это стихотворение, как и многие последующие, воспринимается как пророчество. Своеобразие лирики Николая Гумилева в том, что он обращает поэтику романтизма в реалии. Несомненно, Гумилеву-переводчику импонировали отважные капитаны, которые в стихах Гейне открывают острова и континенты:

Все орлы высокой мощи
В голове его гнездились,
И великодушие в сердце,
Точно солнце пламенело.

Для Испании открыл он
Сотни королевств, обширней,
Чем Европа, и богаче,
Чем Венеция и Фланды...

Позволительно рассматривать перевод гейневского «Бимини» как дополнение и комментарий к знаменитому стихотворению «Капитан»:

На полярных морях и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.
Быстрокрылых ведут капитаны,

Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведal мальстремы и мель...

Переводчик Николай Гумилев нашел в творчестве Гейне то, о чем он грезил в молодые годы. Он охотно берется за переводы стихов, где мореплаватель обречен на вечные скитания. Переводам из Гейне предшествовал перевод «Поэмы о старом моряке» Сэмюэля Тэйлора Кольриджа.

Гейне и Гумилев обращаются к одним и тем же архетипическим образам конкистадоров — отважных мореплавателей, открывателей и завоевателей новых земель. В стихотворении «Бимини» Гейне сетует на людскую неблагодарность и неотвратимость старости, от которой нет исцеления на волшебном острове. Смысл стихотворения «Бимини» в открытии нового мира, в расширении земного пространства, в романтическом мировидении, которое оказывается сказкой, мифом, легендой, но не реальностью.

Молодому Н.С. Гумилеву такой подход к необъятным пространствам также был близок, он искал и находил место приключениям и подвигам. Но события Первой мировой войны и послереволюционные катаклизмы остудили его пафос. Переводя давние и сравнительно малоизвестные стихи Гейне, он экстраполировал их в современность. Это касается «Бимини» и особенно «Вицли-Пуцли», где речь идет о встрече двух цивилизаций.

Европейские историки ко времени создания «Вицли-Пуцли» сосредотачивали свое внимание на том, каким жестоким испытаниям подвергалось коренное население Латинской Америки. Гейне решает сложную проблему превращения язычников в христиан. Обитателей нового континента, констатирует поэт, миссионеры научили голодать ради потусторонней сытости и святости. Поначалу все симпатии автора, а вслед за ним и читателя на стороне индейцев. Но вот происходит очередная битва и побеждают туземцы. Гейне фантастически и вместе с тем вполне логично объясняет поражение белых захватчиков, коим мешало «...золото, которое они награбили». Переводчик вслед за автором точен, конкретен, хотя использует гиперболы:

Обременены испанцы
Были золотом, тем самым,
Что награбили недавно —
Горе, желтая обуза.

Большая часть сюжетов стихотворного цикла «Романсеро» взята поэтом из исторических апокрифов. Не является исключением и стихотворение «Вицли Пуцли», однако в нем содержится явственный посыл в будущее, и в этом плане перевод Гумилева был актуален.

Прежде чем написать о завоевании испанцами Мексики, Г. Гейне изучал исторические источники, но при написании стихотворения существенно переосмыслил события. В многочисленных исторических очерках и романах писалось об истязаниях и истреблениях коренного населения испанскими завоевателями. Вицли-Пуцли — бог войны у древних мексиканцев, жрецы приносят ему кровавые жертвы. Сотни испанцев брошены в огонь при массовом стечении победителей и побежденных. Это ключевой момент в стихотворении Гейне.

Кровавая мистерия мексиканцев заканчивается, однако, тем, что вождь желает подарить европейцам самое дорогое — божество войны Вицли-Пуцли, дабы и пришельцы могли у себя в Европе устраивать ему кровавые жертвоприношения.

Гейне долго перечисляет сокровища и красоты нового континента, но самое важное в новейшей истории, с его точки зрения, — массовые кровопролития, которые он лишь предугадывал, а переводчик сам стал их жертвой.

На переводы Н. Гумилева, который в Америке сам не побывал, наложил отпечаток его опыт скитаний по африканскому континенту. Он пригодился в изображении конфликта в заморских странах. Но Г. Гейне трактует конфликт коренных жителей двойственно.

«Вицли-Пуцли» — это новелла в стихах, притом Генрих Гейне не претендует на роль открывателя сюжета о завоевании испанцами Мексики. Более того, в диалогах с читателем он несколько не сомневается, что читатель в курсе того, как происходило открытие Америки и какова на самом деле роль Колумба. Общеизвестные факты он дополняет подробностями отчасти вполне возможными, но большей частью вымышленными.

Вицли-Пуцли — языческий бог войны, его Г. Гейне и делает средоточием сюжета. Стихотворение вошло в сборник «Романсеро» в раздел «Истории». В каждой истории коллизия одинаковая: борьба личности с коллективным безумием, побеждающим здравый смысл. Ситуация повторяется, романтический герой неизменно терпит поражение.

Г. Гейне использовал немало сочинений, раскрывающих жестокости завоевателей, в частности очерки Вашингтона Ирвинга.

На смену романтическому энтузиазму Г. Гейне приходит скепсис и пессимизм как неизбежный итог наблюдений за ходом исторического процесса. Мореплаватели расширяют мировое пространство, но на карте нет места счастливому острову «Бимини».

Николай Гумилев солидарен с Генрихом Гейне, он трезво оценивает историю человечества и свою биографию.

Зачины обоих стихотворных новелл Г. Гейне схожи, в первых строфах поэт славит великие открытия чудесных стран, которые подвергнут обновлению старый обветшавший европейский уклад:

Новая страна с иною
Человеческой породой,
Птицами, зверьем, цветами
И болезнями иными.

Тем же временем и старый,
Собственный наш старый мир,
Изменен, преобразован,
Тоже сделался чудесным.

Это начало «Бимини», оно, по сути, повторяется и в первых строфах «Вицли-Пуцли»:

Вот Америка пред вами
Вот он этот Новый Мир,

Не теперешний, что вянет
Под влияньем европейским.

Поэт повторяет себя, предаваясь восторгам, чтобы разом избавиться от заблуждения: новый мир — это утопия. Далее он видит только кровавые распри, которые убеждают в неосуществимости благих утопий.

Создание и публикация стихотворных новелл Г. Гейне «Бимини» и «Вицди-Пудди» и переводов этих текстов Н.С. Гумилевым обнаруживает ряд совпадений. Автор и переводчик не увидели свои произведения напечатанными. Тексты создавались после революционных событий 1848 г. во Франции, 1917 г. — в России. Отсюда проистекает недоверие относительно политического прогресса. В 1851 г. во Франции произошел *coup d'état*, установилась власть императора Луи Наполеона. Хотя Гейне в силу своего физического состояния не мог протестовать против Наполеона Малого вместе с Виктором Гюго, но отставка короля Луи Филиппа затрагивала и его лично. Король выплачивал Генриху Гейне денежное вспомоществование, после его свержения это ударило по авторитету поэта и лишило его необходимых средств. Через все творчество Гейне проходит антитеза Германия — Франция. Гейне видел во Франции движение европейцев на пути к прогрессу. 18 брюмера Луи Бонапарта лишило его веры в поступательный ход истории. Вряд ли и Николай Гумилев вглядывался в грядущее с оптимизмом.

В «Вицди-Пудди» и «Бимини» продолжается сквозной мотив книги «Романсеро». К какой бы эпохе не обращался Г. Гейне в своих исторических зарисовках (Древний Египет («Рампсенит»), средние века («Шельм фон Берген», «Поле битвы при Гастингсе»), Великая французская буржуазная революция («Мария-Антуанетта»)) — сюжет всегда один: конфликт цивилизаций. Но нигде встреча двух цивилизаций не сопровождается такими потоками крови в борьбе коренных обитателей континента и европейских завоевателей нет правых.

Интенсивная работа над переводами для издательства «Всемирная литература» была чрезвычайно важна для А.А. Блока, Н.С. Гумилева и их коллег не только потому, что была средством заработка — она создавала иллюзию, что издательский процесс продолжается.

Список литературы

1. Гугнин А.А. Немецкая литература XIX века. От романтизма до бидермайера. Новополоцк — М., 2002. С. 143.
2. Гумилев Н.С. Собрание переводов, т. 1. М.: Терра — Книжный клуб, 2008. С. 8.
3. Гумилев Н.С. Pro et contra. СПб., 1995. С. 372, 380.
4. Богомолов Н.А. Читатель книг. В кн.: Гумилев Н.С. Сочинения в 3-х томах. М.: Художественная литература, 1991. С. 7.
5. Панкеев И.А. Николай Гумилев. Биография писателя. Москва: Просвещение, 1995. С. 11.
6. Briegleb K. Opfer Heine? Versuche über Schriftzüge der Revolution. Fr/M., 1986.
7. Grab W. Heinrich Heine als politischer Dichter. Heidelberg, 1991.
8. Heinrich Heine Ästhetisch — politische profile. Heraus gegeben von Gerhard Hoepf, Suhrkamp. Fr/M., 2014.
9. Лукницкая В. Материалы к биографии Н. Гумилева. В кн.: Николай Гумилев. Стихи. Поэмы. Тбилиси: Мерани, 1988. С. 78.